

Посвящение.

Посвящаю эту историю моему любимому мужу и нашему маленькому сыну.

Хочу сердечно поблагодарить всех, кто помогал мне работать над книгой, начиная с выслушивания моих идей и заканчивая подготовкой книги к изданию!

Отдельное спасибо автору обложки «Волка», Дарье Щербине. Ты смогла оживить картинку, живущие в моей голове!

Обращение к читателю.

Здравствуй, читатель!

Я писала эту книгу, вдыхая аромат медового напитка с корицей и слушая, как Питерский ветер шелестит листвой под окном.

Перед тем, как приступить к чтению, устройся и ты поудобнее. Отыщи самое мягкое кресло или уютный подоконник, завари себе самый вкусный чай (можно чашечку кофе), укутайся пледом. Пусть зима не испугает тебя, а осень не заставит грустить, пока ты читаешь эту историю.

Добро пожаловать.

~ Волк, который любил читать ~

Волк рысцой бежал по заснеженному лесу. Снег с хрустом проглатывал аккуратные следы, зверь не крался и не старался быть совсем тихим. Это могло казаться беспечным, но самой большой опасностью сейчас было бы остаться в лесу до ночи, до времени, которым начинает править метель. В остальном же охотники и другие напасти ему не грозили. Охота прошла удачно, даже очень — для такой-то зимы, но отняла много сил. Пора было возвращаться домой.

После забега за раненым оленем, наевшись вдоволь, он совсем скоро отделился от стаи, отыскивая оставленные им и только ему ведомые тропки.

Такой охоты ему хватало — один раз вспомнить свое, волчье, насытившись мясом, чтобы потом без надобности сбиваться с лап зимовать на кореньях и другом съестном.

Он никогда не задерживался со стаей надолго. Приходил, уходил, и это было настолько привычно, что с годами становилось почти незаметно. Волчья жизнь пробегала рядом, но мимо — волчьи свадьбы и борьба территорий, вой в ночи на ни в чем не повинную луну.

В целом этот волк был точно таким же, как все остальные. Так же сер, так же темноглаз, так же шерстист и клыкаст. Но было в нем что-то неуловимое, в последние годы из маленькой детали разросшееся до самого его существа. Что-то, что задерживалось в его взгляде во время трапезы, пока все набивали желудки, что-то, что легло на его шерсть запахом книжной пыли, что-то, чему среди лесного зверья названия не было.

У животных нет привычки судить чужое. Их мысли ограничивались инстинктами, которые только в последнее время советовали держаться от Волка поодаль. В остальном же звери — не люди и не задают вопросов, подобных людским. Они смотрят, видят, но редко интересуются.

И чем быстрее Волк уходил от них после слаженной охоты, тем меньше взглядов на себе он ловил. Всем было все равно, а Волку чувствовал себя чуточку спокойнее.

Теперь же он спешил домой. В этот зимний вечер сытому зверю нужно было только одно — тишина и тепло его логова. Однако это была вовсе не сырая нора под корягами, и даже не пещера. И именно это было тем самым, что различало его с другими волками.

О чем думают люди, когда слышат слово «дом»? Нечто квадратное, большое и с окнами. И дым откуда-то из крыши непременно. В доме Волка были еще лестница на второй этаж, камин, много-много комнат и даже целая библиотека.

Никто не знал, откуда этот Дом взялся в лесной глуши. Здесь не было дорог, по которым бы катились чудные людские экипажи, не было шумных городов и даже маленьких поселений.

Этот кто-то, воздвигший здесь жилье на все свое старанье и совесть, забрался удивительно далеко. Должно быть, захотел поселиться среди бесконечных свободных просторов, а потом... Ушел? Умер?

Что до последнего, Волк не обнаружил нигде следов смерти. А уж эта дама своего присутствия не замечает, хотя за нее нередко это делают другие. Но здесь, вопреки всему, оставалось нетронутым спокойствие человеческого жилища.

Казалось, что человек оставил Дом только вчера — только мох, забравшийся до крыши, и тугие ветви, обнявшие его со всех сторон, доказывали обратное. Все-таки люди ужасно не любят, когда природа, будучи от рождения победителем, побеждает и их.

Волк нашел Дом давно, несколько зим назад. Лесные пошептывали, что стоит он здесь и того дольше. В то время как другие боялись подходить близко, зверь почувствовал непреодолимую тягу. Скоро любопытство заставило его сделать первый шаг на крыльцо, тихо скрипнувшее под его лапой. И очень скоро он поселился там, среди ковров, перевернутой мебели и разбросанных вещей.

А вот и Дом.

Волк запрыгнул на крыльцо и толкнул плохо прикрытую дверь лбом. Изнутри пахло затхлым запахом, который всегда поселяется там, откуда уходят люди. Первое время Волку неприятно щипало ноздри и хотелось чихать, но очень скоро он понял, что так пахнет тайна, и совершенно привык.

Место зверя было у камина. Естественно, он не зажигал его, ведь животные боятся огня — за то, что тот не подчиняется им. Но тем не менее перед камином был уютный ковер с пушистым ворсом, а с двух сторон — светлые окна.

Волк прикрыл за собой дверь, подцепив ее, как обычно, когтем за отбитую щепу, чтобы зима не заметала снегом просторный коридор, ведущий в гостиную.

Здесь он любил лежать, зарывшись в ворс ковра и рассматривать Дом изнутри. Все звериное, лесное, оставалось снаружи, особенно сейчас, когда злая метель вот-вот могла застучать в окна, а Волк оставался один на один с маленьким человеческим миром.

Тут, должно быть, жил богатый человек. Говорят, у богатых свои причуды (не столь важно пока, откуда Волк это знал). Возможно, одна из таких причуд и сподвигла хозяина Дома уйти в эту глушь.

Постройка была на редкость добротной. Волк искренне не понимал, отчего так странно было для других поселиться здесь — в постоянном тепле, уюте и безопасности.

В отличие от любых нор сюда даже за несколько лет не сумел прорасти лес, а гниль только-только начала пожирать деревянные стены. Волк порой даже жалел, что Дом потерял своего человека — столько добра, столько сокровищ и чьей-то работы было оставлено медленно погибать. Как, должно быть, уютно здесь было когда-то!

Вещи было жалче всего. Почему-то Волк ловил себя на мысли, что им грустно не иметь возможности служить так, как было заложено творцом, — на стуле много лет никто не сидел, камин не топился, посуда, раньше сверкавшая позолотой, покрылась пылью и привечала разве что пауков, которые тут были везде.

Конечно, вещам была уготована долгая жизнь. Если крыша так же долго будет сдерживать натиск дождя и снега, то шкафы и столы будут медленно гнить, книги — сыреть, а посуда — лежать, похороненная под паутиной и такая же прекрасная, как прежде. Но разве важен долгий век, который был потрачен впустую?

Волк жил здесь уже вторую зиму. За это время он успел навести порядок: тряпки были зубами стасканы в угол, некоторые перевернутые стулья поставлены так, как зверь видел на картинках. Единственное, что он не трогал, — это посуду и статуэтки — после того как, пытаясь сдуть жирного паука с лица розовощекого белотелого мальчика, уронил его на пол и оставил вовсе без головы. Перед мальчиком Волку было стыдно — пришлось изловчиться и спрятать его в шкатулку, чтобы хоть как-то обхитрить свою совесть. Было в Доме и то, что Волка пугало. И ничто не могло бы испугать больше — ни хлопанье ставней, ни ветер, воющий в трубах, ни шуршание мышей. Ничто, кроме грозной кабаньей головы, висящей на стене на деревянном основании.

К несчастью, она украшала именно гостиную, где зверь проводил больше всего времени.

Трофей с пустыми глазами, когда-то вывалившимся в агонии языком, со смазанной чем-то шерстью и непонятно куда девшимися внутренностями, которыми, по идее, от него должно было бы вонять слишком сильно, чтобы человек повесил себе это на стену.

Совершенно неясно, как люди могут вешать подобное в доме? Вешали, Волк знал. Ставили чучела животных по углам своих спален, изломав их грациозные спины, набив опилками и мусором содранные с кровью шкуры. Вешали на стены, подписывая даты смерти животных, а рядом хранили ружья и арбалеты, из которых стреляли в этих зверей. Ношение шкуры никак не могло с этим сравниться, оно хотя бы объяснялось потребностью, ведь собственных шкур у людей не было, и Волк сам часто задумывался, как тяжело это — постоянно шить себе новую.

Трофей же, видно, принадлежал хозяину Дома. Волк никак не мог понять, зачем хранить дома смерть добровольно? Она, когда приходит, то ничем не прогонишь обратно. Волки забивают по несколько оленей, порой и кабанов в год — но никто еще не додумался хвастаться хвостом и копытом.

Видимо, подобный ужас тоже был отголоском человеческой странной привычки — доказывать что-то друг другу. Если волк скажет другому волку, что забил оленя в одиночку, тот, скорее, поверит — да и какой прок от неверия? А вот если человек скажет другому человеку, что на охоте убил оленя, ему не поверят.

Посмеются, крутя усы, ткнут пальцем.

Но если волк, когда ему откажутся верить, забудет об этом, то человек на этот случай, скорее, припасет отрубленную голову у себя дома.

Если бы Волк дотянулся, он бы обязательно избавил Дом от такого изъяна, закопав где-нибудь натерпевшуюся голову несчастного кабана.

А пока приходилось, сменив отвращение, смириться. Скоро это стало скорее побуждением к философии: Волк ложился и смотрел на нее, размышляя о смерти, о принятии неизбежности и о том, все ли люди свободно вешают на свои стены пустоглазые бошки.

Может быть, нашелся бы тот, кто согласился бы с Волком, сорвав ее и отбросив подальше?

Но больше всего во всем Доме Волк любил библиотеку. Скорее всего, эта отдельная комнатка была кабинетом, служившим хозяину Дома местом затворничества. Кроме стола и стула, тяжелых и мощных, все остальное пространство заполняли шкафы. Казалось, они были здесь вместо стен; и книги, книги, бесчисленное количество книг стояло на полках, громоздилось в углах и валялось на полу.

Когда он первый раз поднялся по лестнице и заглянул сюда, ему показалось, что странно хранить дома такое количество прямоугольных ворсистых бумажных кусочков. Однако очень скоро оказалось, что в каждом из них был сокрыт огромный мир.

Днем, когда было светло, Волк читал. Он очень любил читать — и это было вовсе не чудом, а, скорее, чертой характера. Зверь становился на лапы и тащил зубами книгу с самым вкусным на вид корешком. Многие из книг здесь отсырели и аппетитно пахли грибами и лесом.

Переворачивать лапами странички, разбухшие от влаги, которая едва ли не каплями висела в воздухе здесь все это время, в закрытой комнате под крышей, было трудновато. Страницы липли друг к другу и рвались, но самым досадным было то, какие пятна оставались порой на белоснежных листах от волчьих невымытых лап. Летом страницы были в зеленом соке растений, осенью с комками грязи, запутавшимися в шерсти.

Когда Волк умудрился заляпать еще непрочитанную страничку, твердо решил: пора мыть лапы. Зимой он, уже сидя на крыльце, не доставая до земли, возил лапами в снегу, особенно после удачной охоты. В теплое время, поняв, что лужи обычно не чище, чем борозда грязи, Волк приспособился мыть лапы в бочке возле Дома, где собиралась дождевая вода, стекавшая с крыши.

Он вставал во весь рост, аккуратно заглядывая в бочку. Вода в ней редко доходила доверху, хотя в осеннее время ливней могла и перелиться через край. Дна никогда не было видно — словно там была налита ночь, от чего было немного страшно совать туда лапы — мало ли кто может схватить за них?

Волк осторожно макался в воду. Иногда грязь и пыль не желала расставаться с волчьей шерстью — тогда лапы приходилось тереть и болтать в бочке, разбрызгивая воду. Нужно сказать, что местные белки обычно собирались гурьбой на такое необычное представление.

Возвращаться, конечно, приходилось своеобразно: по пути от бочки до крыльца нужно было еще обогнуть дом. Порой Волк крался к какой-нибудь особенно красивой книге на задних лапах, держа равновесие и попутно тыкая передними в занавески, пытаясь стереть лишнюю влагу. Книги попадались разные. От скучных математических формул до приключенческих историй. Скоро Волк заметил, что в иных книгах больше картинок, цветных и черно-белых, чем в других, обычно такие книги во много раз интереснее прочих.

Больше всего он любил книги о природе. Их было здесь в изобилии — маленькие дневники путешественников, энциклопедии о животных (волки тоже там были) и целые ботанические тома с массой аккуратных зарисовок и чудных надписей на латыни.

Даже живя в Лесу всю свою жизнь, Волк не думал, что столько чудесного находится, существует и происходит вокруг! Это, наверное, странно, вроде проходишь мимо каждый день, но чтобы заметить — нужно постараться.

Волк захлеб прочитал целый том о животных и птицах — о белках, лисах, волках, маленьких куропатках, снующих туда-сюда по траве, кротах, которые живут в земле и даже самых маленьких мышках. После этого он часто заговаривал с теми, кто его не шугался. Скоро белки и птицы перестали его бояться.

Особенно интересно было после прочтения пары страниц бродить вокруг Дома и искать тот или иной цветочек. Много чудного летом копошилось у лап Волка — жуки и бабочки, такие разные и необыкновенные. Зверь ложился в траве и наблюдал, замирая на часок-другой. Когда не мешаешь миру жить вокруг тебя, может случиться что-нибудь чудесное.

Так он познакомился с семейством мышей, увидел рождение бабочки и послушал, как поют сверчки.

Кроме книг о природе, часто попадались другие. Потрепанные, зачитанные до дыр, сладко пахнущие духами. В них жили отважные джентльмены и прекрасные, хрупкие и мягкосердечные дамы. Первые очень часто оказывались подлецами, врываясь в жизнь леди, но обязательно потом находился кто-то совсем необычный, чтобы спасти героиню, утешить и полюбить.

Да, это были книги о любви. Романтичной и нежной, дерзкой и запретной. Волк размышлял, что на самом деле в чувстве любви гораздо больше инстинктов, близких к животному, — если, конечно, это не была любовь лицемерная.

Для Волка это чувство было почти незнакомым — он любил жизнь, но в его сердце оставалось пустое пространство, ничем не заполненное.

Было то, что Волку ужасно в книгах не нравилось — однобокость и одинаковость всех человеческих самок. Они всегда были красивы. Всегда бледны, гибки и аристократичны, всегда юны и подвержены меланхолии. Их лица одинаково заливались румянцем и слегка краснели, когда они злились, они одинаково были нежны и беззащитны, нуждались в заботе, боялись лишений и поддавались влиянию вместо того, чтобы бороться. А если боролись, то все больше решая свою судьбу через окружавших их мужчин.

Те, в свою очередь, всегда были разными. Красивыми и уродливыми, толстыми и тонкими, смелыми и трусливыми, коварными и честными, злыми и добрыми.

Но это где видано, чтобы все были как под копирку? Зверь не понимал, почему так было заведено у людей, но точно знал — женщины, как и волчицы, способны постоять за себя и решить свою судьбу своей собственной силой.

Иногда волк представлял, как бы могла выглядеть его волчица, если бы была человеком.

Она была бы смелой, как дикая зверица, звонко смеялась и любила бы читать книги о приключениях.

Но, впрочем, это всего лишь мысли. Разве у Волка может быть дама сердца?

Когда снаружи окончательно темнело, Волк переставал читать и размышлять, зарывался в кучи тряпок или книг и засыпал. И снились ему чьи-то шаги, запах выпечки по утрам и совершенно незнакомый треск камина...

Кроме гостиной и кабинета-библиотеки, конечно, в Доме было еще много комнат. По волчьему разумению, в такие хоромы можно было вместить стаю — иначе зачем столько места? Но Волк знал, что люди любят простор. А еще любят не смешивать место приготовления еды с местом, где едят, а место отдыха — с местом сна.

На первом этаже располагалась небольшая кухонька — самое волшебное, как казалось зверю, место в Доме.

Сколько здесь было всего! Комната вмещала в себя несколько шкафов и десятки полочек (не говоря уже о маленькой кладовой в углу) и нечто, куда люди селили огонь, чтобы готовить на нем еду, — печь. Тонкие, кружевные занавески пропускали маленькие лучики света, по весне бегающие по полу и вздымающие пылинки.

Под хранение и уют хозяйственной особы, которая, должно быть, готовила здесь когда-то завтраки, был приспособлен каждый сантиметр. На полках ютились пузатые кастрюльки и неотмытые сковородки, шкаф ломился от баночек с разными сыпучими смесями, и даже под самым потолком сушились на веревочках травы и едва угадывающиеся уже грибы.

В первый раз, когда Волк зашел в кухню и толкнул стену распахнувшейся дверью, букетики трав под потолком вздрогнули и осыпали его дождем из маленьких сушеных цветочков и листьев, а кое-где даже недовольными пауками.

На обследование комнатки у зверя тогда ушел целый день. Волк заглядывал в каждое ведро, пять минут чихал после того, как сунул нос в мешок с приправами, нашел несколькодохлых мышей и целое поколение жучков. После того как он изрядно разворошил все вещи, на кухне стало пахнуть вовсе необыкновенно — терпко,пряно. От запаха щипало нос, но его хотелось вдыхать снова и снова, представляя, как сейчас в этом маленьком пространстве происходят чудеса: готовятся каши и супы, жарится жаркое и режется ломтями аппетитный хлеб. Однако это была самая грустная комната в Доме. Здесь особенно остро чувствовалась нехватка руки человека — и Волк, потратив за день весь свой интерес и поняв, что сам не может никак использовать все эти вещи, старался отныне не заходить туда просто так.

Но обследование Дома не окончилось кухней.

Волк нашел гардеробную — в ней на вешалках висели облака женских платьев, красивых и пыльных, расшитых блеском и кружевами.

Мужского было в несколько раз меньше — только одна шляпа вместо десятка шляпок с цветочками, скучные черные туфли. У дам выбор был побогаче, только вот куда в лесу носить такие красивые вещи?

Шныряя по комнаткам, Волк быстро сделал вывод, что мужчины не любят нагромождения лишних вещей и украшений. Кабинет хозяина Дома был избавлен ото всего — от картин, расшитых занавесок, подушек с райскими птицами, статуэток с собаками. Было понятно, что остальные помещения были обставлены по вкусу его жены — и, признаться, зверю больше нравился женский взгляд на уют.

Правда, и эти предметы Волк разделил на два вида. Как делил все вокруг на близкое для себя и далекое. Вторым оказались портреты странных, давно умерших людей, золотые шкатулки, ангелочки из белого гипса и витые рамы у пыльных зеркал. Волка влекло рукотворное — он рассматривал узоры на расшитых салфетках,

рисунки, которые нашел вместе с засохшими красками в ящике комода, и особенно ему нравились маленькие деревянные статуэтки, которые, правда, не стояли на видных местах, а были припрятаны.

Очень скоро Волк догадался, что в Доме жили не только хозяин с хозяйкой. Был еще кто-то, кто делал всю работу, суетился на кухне, вырезал статуэтки из дерева и отличался мировоззрением.

Первый раз эта мысль застала его как раз за разглядыванием фигурок — маленьких человечков из корешков, уточек и неумело вырезанных ваз. Выхваченные взглядом из природных узоров ассоциации были лишь немного подправлены руками. Это было слишком серо для хозяйки Дома и ее любви к позолоте и было слишком просто и невзрачно для любящего похвалиться хозяина.

Но окончательно мысль подтвердилась чуть позже.

Чтобы не встречаться взглядом с глазами мертвой кабаньей головы, Волк первое время поднимался вверх. Там, на втором этаже, помимо кабинета, было несколько спален.

Первая, огромная, буквально набита была красивой резной мебелью. Зверь заметил шкаф, несколько тумбочек, красивый трельяж с зеркалом, у которого, видно, прихорашивалась хозяйка, и, конечно, большую кровать с балдахином. Этим странным словом (которое Волк подцепил из какой-то книги) люди называли большой кусок ткани, который вешали над кроватью таким образом, чтобы образовать шалашик. Наверное, все-таки некоторая тяга к уютным, теплым норам сохранилась даже у людей.

Кровать была застелена несколькими простынями. В углу в кучу сбились подушки. Волк обошел кровать по кругу, прежде чем прыгать, — и чуть не утонул в мягкой перине. Спать ему там тогда совсем не понравилось — настолько воздушно и мягко, что кажется, что белое пространство поглощает тебя, как болото.

Но рядом была вторая спальня. В ней не было красивой мебели и шелковых занавесок, не было горы подушек и зеркала, статуэток — кроме тех, деревянных. Кроватка, односпальная и застеленная простым покрывалом, стояла в углу у окна. Матрас на этой кровати был плотнее, но здесь спать было уютнее, как на еловой подстилке в норе, в детстве, и зверю понравилось больше.

Впрочем, вся комната была ему по душе. Уютная и простенькая, она напоминала ему кухню. В ней стоял еще стройный шкаф с парой простых платьев, в которых не жалко и удобно побегать по лесу, стул с расшитой спинкой, много мелочей.

Здесь хранилось десятка два книг, любимых хозяйкой комнатки, в шкатулках на столе были лесные сокровища — шишки, странные камешки удивительной формы, веточки, сухие жучки с переливающимися панцирями, цветочки. Они хранились так бережно и аккуратно, как драгоценности в шкатулках большой комнаты, и, видно, ценились не меньше. Это было удивительно, насколько разные вещи были ценны для разных людей.

А на подоконнике, к своему огорчению, зверь обнаружил несколько горшков с засохшими цветами. Видимо, девушка, которая жила тут, была служанкой или помощницей, уделяла им много времени, когда была свободна от дел. Здесь были кактусы, пузатые и уже коричневые от настигшей их засухи. Маленькие длинные листья кустов, раньше

торчавшие во все стороны, безжизненно свисали и обламывались от малейшего ветерка.

У каждого цветочка горшок был расписан красками. Они потускнели от времени, но Волк разглядел маленькие цветочки на зеленом фоне, неуклюже, но с душой нарисованное море и высокие ели на горшке с самым большим кактусом.

Наверное, девушка очень любила эти растения когда-то давно.

Обнюхав умершие цветы, Волк помчался во двор. Когда он нашел Дом, было позднее лето, и уже упоминаемая бочка была полна дождевой воды. Волк заглянул в небольшой сарайчик рядом с Домом, больше похожий на землянку. Он долго и упорно рылся в вещах, сваленных там вповалку, пока не нашел нечто, в чем можно было носить воду, схватившись за полукруглую ручку зубами.

Набрав воды в бочке, Волк потрусил на второй этаж. Признаться, это была нелегкая затея. Первую партию воды он опрокинул на себя, легким движением запрыгивая на крыльцо. Отряхнувшись, он снова взял ведро и вернулся обратно.

Второй раз ведро выскользнуло из его зубов на лестнице, прокатившись вниз. Зверь вздохнул, и, хотя он не чувствовал раздражения от неудач (разве можно злиться на гремящую штуку, которая, может быть, вовсе не предназначена для его затеи?), но подумал, что неплохо было бы обернуть тонкую ручку чем-нибудь, чтобы удобнее было держать ее. Тряпки, валявшиеся повсюду, подошли.

В третий раз он донес.

Поливать растения было еще сложнее — волк показал все чудеса гибкости и удержания равновесия, которые мог. Часть воды вылилась в маленькое море на подоконнике, быстро впитываясь в растрескавшееся дерево. Но ровно столько, сколько нужно было, попало на сухую землю в горшках.

С этого дня он регулярно поливал засохшие цветы.

Труд — это ожидание, наполненное надеждами. Волк носил и носил тяжелое плескающееся ведро, но каждое утро видел безжизненные стебли. Где-то в глубине души он одновременно не верил в свою затею и так же сильно надеялся, потому что земля — она в любом случае должна рождать жизнь.

Время шло, наступила осень, после — зима, в которой добывать воду было сложнее. Полив цветов сделался для Волка своеобразным ритуалом — даже не видя результата, он продолжал их поливать.

Однажды его разбудило совсем прохладное солнце. Оно заглянуло в окно, зимнее, спотыкающееся о редкие, летящие с неба снежинки. Волк привычно подошел осмотреть своих подопечных.

К его огромной радости, среди сухих скорчившихся листочков на него вдруг взглянул росток. Он некоторое время копил силы, поливаемый зверем, и распрямылся, пружиня и гордо отталкивая умершие ветки предыдущего горшочного жителя. Волк почувствовал, как тепло нахлынуло на него, словно солнце стало светить сильнее.

Волк еще пуще стал виться вокруг своего нового друга, порой даже мысленно ведя с ним беседы.

Воду в холодное время года было добывать трудно. Волк догадался класть в ведро мягкий снег, притаскивая его в Дом. Перепад

температуры был невелик, и снег таял медленно, пока зверь ворчал и мял его лапами, пытаясь ускорить процесс.

Раз на третий ему пришла в голову идея. Для ведра было вырыто углубление в тряпках, а сверху Волк накрывал его одеялом.

Совпало, что маленькая комнатуха (оттого, что была маленькой) была самой теплой в Доме — и эту зиму он зимовал с набравшимся сил растением.

Уже через месяц окно комнатки загоразживал пышный куст. А к весне Волк нашел на нем маленькие нежные бутоны.

Кто сказал, что волки не выращивают цветов?

* * *

Эта зима была теплее прочих и к тому же подходила к концу. Для Волка после удачной охоты снова потекли дни спокойствия в его теплом жилище. Еще неделю можно было спокойно обходиться съестными кореньями или поймать в лесу какого-нибудь зазевавшегося зайчишку или ободрать куропатку, да знай себе почитывать книги в библиотеке.

Надо сказать, с тех пор как зверь нашел Дом, охотиться стало сложнее. С каждым десятком проведенных в его стенах дней, с каждой страницей прочитанных книг — как каплями, переполняющими его душу, он начинал понимать мир немного иначе. Мог лежать, наблюдая за игрой зайцев (совсем, надо сказать, оборзевших) на полянке и, если желудок не был звеняще пуст, не видеть в них вовсе никакой добычи. Загоняя жертву в слаженном беге с другими волками, Волк иногда отводил глаза в сторону, чувствуя, как страх бьет выбранного ими сегодня на ужин оленя по пяткам. Когда все заканчивалось, он пристраивался есть со стороны толстой оленьей ляжки. Видеть вывернутую в отчаянном рывке голову животного и невидящий глаз с застывшей слезой — превращало аппетит в муку. Зверь ел молча, терзая мясо, разрывая его на волокна и чувствуя легкую тошноту. Волк объяснял это себе тем, что чем разумнее существо, тем меньше оно расположено к беспорядочной жестокости. А уж если ты достаточно умен, чтобы отличить съестные коренья от бесполезных, — к чему разевать пасть на все что ни попадя? Вскоре у него появилась маленькая, совсем не волчья мечта — перестать ради своего проживания прерывать чьи-то, пусть маленькие, но жизни. Все живое хочет жить. До крика, до хрипа, до сбитых лап, до последнего вздоха — абсолютно единый порыв.

Лес, конечно, штука сложная — зверь знал, что баланс в нем настроен точнее, чем в человеческих часах. И уж если ты волк — добро пожаловать к столу.

Природа всегда щедра для нас на дары.

Разница только в том, что одни берут с благодарностью, проживая в гармонии, а другие — с видом завоевателей, разрушая и забирая больше, чем нужно.

Природа не определяла волков ко вторым, зверь отнес себя туда сам. Он окончательно перестал чувствовать себя частью этого целого, а отойти в сторону просто так тоже не мог. Но и жестокое правило битвы за жизнь знал, называя его необходимостью. До конца зимы необходимость исчислялась в двух-трех зайцах.